

когда на нас действует мастерство само по себе, а идейное содержание нам чуждо и даже враждебно. Приведу примеры. Кто станет отрицать, что на нас производят впечатление,— и иногда очень сильное,— памятники искусства эпох, идеология которых нам чужда: пирамиды, восточная архитектура, архитектура Греции, Рима, готическая, античная и новоевропейская скульптура, церковная живопись европейская и русская, музыка разных народов и веков,— иными словами, почти все старое искусство, искусство рабовладельческого, феодального, буржуазного общества? Не подвержена изъятию из этого правила и литература. Мы читаем не только «с познавательной целью» Гомера, Данте, эпос разных народов, идейное содержание которых далеко от нас. Таким образом, на нас эстетически действует и так называемое «чистое мастерство». Я не говорю: только «чистое мастерство», но «и чистое мастерство». Несомненно, что в творениях Гомера, Данте и т. д. наряду с идеями эпохи, чуждыми нам, содержатся и идеи, нам более близкие, равно как и в их «чистом мастерстве» не все нас удовлетворяет. Однако в целом мы должны признать, что, несмотря на многочисленность предлагаемых нашими эстетиками решений вопроса о соотношении «содержания» и «формы», «идеи» и «мастерства», удовлетворительного ответа мы еще не имеем. Следовательно, в нашем случае, говоря о творчестве Бунина заграничного периода, мы должны набраться мужества и сказать: «Да, его идеи нам чужды и враждебны, но его мастерство, несмотря на то, чарует и волнует нас».

Но надо не только сказать это, но и задуматься над тем, почему же это возможно.

По-видимому, немалую роль в этом явлении играет то активное начало читательского переосмыслиния чужого произведения, которое фактически определяет историческую судьбу этого произведения и литературы вообще. Мы, как читатели, воспринимаем и понимаем и «Митину любовь» и «Дело корнета Елагина», и «Жизнь Арсеньева», конечно, не так, как понимал их сам Бунин. Авторский замысел — важная, существенная сторона социальной жизни произведения, но не абсолютная, не единственная. Поэтому и возможно иное восприятие и истолкование творчества писателя, чем это, которое представляется ему самому¹.

Я остановился только на двух проблемах, затронутых в книге В. Н. Афанасьева. Развернутых ответов на поставленные вопросы я не дал, так как сделать это в пределах ограниченной объемом рецензии невозможно. Однако уже то, что работа В. Н. Афанасьева о Бунине позволяет поставить эти и подобные им вопросы, свидетельствует о том, что она очень современна и нужна. Не сомневаюсь, что вскоре потребуется новое издание ее,— об этом говорят положительные рецензии и отзывы читателей, появившиеся уже в прессе. Хотелось бы пожелать автору больше смелости в преодолении трудностей, содержащихся в хорошо изученном им материале, больше смелости и самостоятельности в решении сложных вопросов, возникающих в процессе исследования, больше бесстрашия в отказе об утративших жизнеспособность традиционных формул и схем.

П. Н. Берков

Ю. К. Бегунов. «Памятник Русской литературы XIII века „Слово о погибели Русской земли“». Изд-во «Наука», М.-Л., 1965 г., 232 стр.

Недавно вышедшая в свет книга Ю. К. Бегунова посвящена замечательному памятнику древнерусской литературы «Слову о погибели Русской земли». Она имеет серьезное значение, как подведение итогов более чем 70-летнего изучения этого произведения. Работа Ю. К. Бегунова вводит в научный оборот много новых материалов, ранее не привлекавшихся к исследованию.

До сих пор не был решен вопрос о том, существовало ли отдельное произведение — «Слово о погибели Русской земли». Многие исследователи были убеждены, что оно всего-навсего предисловие к «Житию Александра Невского». Так считали крупнейшие исследователи — И. Н. Жданов, С. А. Богуславский, В. И. Мансикка, Н. И. Серебрянский, А. С. Орлов, А. Мазон, В. И. Малышев, Д. И. Чижевский. Сила этих авторитетов подкреплялась тем непреложным фактом, что «Слово о погибели...» дошло до нас в двух списках и в обоих случаях перед «Житием Александра Невского». Другие исследователи, считавшие «Слово» началом отдельного произведения, которое до нас не дошло, не сумели этого убедительно доказать. Отрицание существования в древнерусской литературе такого самостоятельного произведения являлось господствующим взглядом.

Мы считаем большим достоинством исследования Ю. К. Бегунова то, что оно кладет конец этому затянувшемуся спору. Факт существования «Слова о погибели...», как отдельного произведения, начала которого значительно позднее, только в X V в., было соединено с первой редакцией «Жития Александра Невского», теперь доказано.

¹ Подробнее об этом я говорю в статье «Об авторском понимании идеи художественного произведения и степени его обязательности для литературоведения» в книге «Историко-филологические исследования. Сборник к 75-летию акад. Н. И. Конрада», М., «Наука», 1967.

Им изучены все 10 известных и три им самим открытых списка первой редакции «Жития Александра Невского». Его работа о «Слове» могла бы называться также и исследованием о «Житии», так как и этот памятник впервые исследован в его работе в полном объеме. В результате выяснилось, что «Слово» и «Житие» — два совершенно разных произведения по языку, по стилю, по ритму, по духу, по задачам и по времени происхождения. Наличие двух списков, где «Слово» соединено с «Житием», не свидетельствует о множественности таких случаев. Ю. К. Бегунов устанавливает, что оба списка «Жития», содержащих «Слово», восходят к одному общему для них архетипу. Если это так, то соединение «Слова» и «Жития» оказывается единичным актом, а дальнейшее размножение этого единичного варианта, в любом количестве списков, ровно ничего не доказывает, сколько бы таких списков не оказалось. Кстати, и оказалось-то их всего два, то есть в шесть раз меньше, чем списков «Жития», не включающих «Слова о погибели...». Ю. К. Бегунов исследовал этот единственный вариант, соединивший вместе «Слово» и «Житие», и ему удалось установить, что этот вариант «Жития» восходит к такому тексту, в котором «Слова о погибели...» не содержалось. Сколько-нибудь серьезно возражать против такой аргументации трудно.

Ю. К. Бегунов исследовал язык и орографию как «Слова о погибели...», так и «Жития Александра Невского». Удачен и сделанный им тщательный анализ художественных особенностей, образной стилистической системы «Слова».

Между тем следует сделать и несколько замечаний.

Так, например, отметив факт двукратного использования «Степенной книгой» отрывка «Слова о погибели...» (стр. 146, 149), Ю. К. Бегунов, исключительно из излишней осторожности, не желает разглядеть здесь факт прямого использования «Слова» «Степенной книгой», и создает явно искусственное построение, утверждающее, что отрывки «Слова» попали сюда из «Родословия» ростовских князей. Через несколько страниц автор, видимо, сам понял, что ошибся, и написал, что составители «Степенной книги» пользовались непосредственно «Словом» (стр. 152). Но эти два взаимоисключающих суждения так и сосуществуют в книге.

Ошибочным представляется мне рассуждение Ю. К. Бегунова о том, как надо читать заглавие «Слова». Мне кажется, что в этот вопрос он и его предшественники внесли излишнюю сложность.

Одни исследователи, и в их числе автор рецензируемой книги, читают заглавие так: «Слово о погибели Рускыя земли по смерти великого князя Ярослава», имея в виду Ярослава Мудрого, умершего в 1054 г.

Другие читают иначе: «Слово о погибели... и о смерти великого князя Ярослава», имея в виду Ярослава Всеволодовича, современника описанных в «Слове» событий, умершего в 1246 г.

В зависимости от прочтения этого заглавия и те и другие исследователи решают вопрос о содержании памятника и о времени его написания.

Между тем, это заглавие содержится только в одном Псковском списке «Слова» (вместе с «Житием»). В Ленинградском списке его нет. Поскольку это заглавие дошло до нас только в единственном списке, мы обязаны поставить вопрос, который никто почему-то не поставил: есть ли основания считать, что заглавие в таком виде вообще присуще произведению? Не является ли оно в таком виде принадлежностью этого единственного списка или одной какой-то ветви списков, пошедших от первого, давшего такое заглавие?

Если данное заглавие в таком виде носит частный, вторичный по отношению к произведению характер, то надо попытаться выяснить — откуда оно взялось? Поставив так вопрос, мы найдем на него ответ. Составитель данного списка (или его предшественник) сам выбрал в качестве заглавия, которого в его оригинале, видимо, не было, кусок из текста произведения. В том месте, где кончается патетическое описание Русской земли вообще и начинается переход к существу рассказа, написано: «А в ты дни болѣзнь крестьяном ѿ великого Ярослава и до Володимера...» и т. д. Эти слова составитель осмыслил совершенно правильно, точно так же как и Ю. К. Бегунов, и немецкий исследователь В. Филипп, понимая «болѣзнь крестьяном», начавшуюся «от великого Ярослава», как причину «погибели» Руси. Эта «погибель» и была главной темой произведения. Указанную строку текста составитель использовал для заглавия. Естественно, что он отбросил весь список князей, названных после Ярослава, поскольку его имя достаточно ясно указывало на начало процесса, при остальных князьях только продолжавшегося. Вот откуда в заглавии и оказалось «Слово о погибели Рускыя земли от великого Ярослава». Составитель вполне разумно вставил слово — «смерти» — «от смерти великого князя Ярослава», чтобы исключить понимание — «погибель из-за Ярослава», и подчеркнуть правильное значение — «со временем великого Ярослава». Он вынужден был сделать так именно потому, что, отбросив перечень князей — наследников Ярослава, сам открывал возможность такого толкования. Благодаря этому явшему «уравновешиванию» — добавлению одного слова вместо списка князей, мы видим вполне отчетливо, что составитель превращал в заглавие именно данную строку текста. С другой стороны, рассуждая так, мы избавляемся от необходимости палеографического насилия над текстом заглавия, с каким связаны прочтения «... и о смерти», а также «...по смерти». В заглавии совершенно ясно написано — «от смерти». Над омегой поставлена горизонтальная черточка: «[Ѡ]». Это — «от Ярослава» в заглавии — буквально соответствует словам «от Ярослава», читающимся в дальнейшем тексте. Кстати,

и в этом случае, и во множестве других слово «от» написано в данном списке именно так — омега, а над ней черточка. Как видим, такой путь к вполне верному выводу Ю. К. Бегунова, — что в заглавии имеется в виду именно Ярослав Мудрый, — и проще, и доказательнее, чем другие.

Перед исследователем «Слова» возникает зато новая задача: попытаться определить, каково же было первоначальное название произведения. Не называлось ли оно просто «Слово о погибели Руския земли» — так же коротко и ясно, как «Слово о полку Игореве»?

Говоря о книге Ю. К. Бегунова, хочется сказать о той роли, которую сыграл в ее создании член-корр. АН СССР Д. С. Лихачев. Как научный руководитель и редактор книги молодого ученого, Д. С. Лихачев находился у истоков замысла его работы и сопровождал ее на всех этапах. Не случайно поэтому монография Ю. К. Бегунова о «Слове о погибели Руския земли» обладает признаками, ставшими традиционными для всех, уже многочисленных работ, вышедших из школы древнерусского литературоведения, возглавляемой Д. С. Лихачевым. Речь идет об использовании всех сохранившихся списков изучаемого памятника, об их тщательном текстологическом анализе, об историзме в объяснении литературных явлений — словом, о высокой научности в самом современном смысле.

Нет сомнения, что книга Ю. К. Бегунова является ценным вкладом в изучение истории древнерусской литературы.

Д. Альшиц

Л. Л. Кутин. **Формирование терминологии физики в России.** М.—Л., «Наука» 1966, 288 стр.

Книга Л. Л. Кутиной «Формирование терминологии физики в России» является второй частью ее большого, единого по замыслу исследования о русской научной терминологии начала XVIII столетия. Первая часть, озаглавленная «Формирование языка русской науки», опубликована издательством «Наука» в 1964 г. Предметом изучения обеих книг избрана терминология наиболее актуальных для петровской поры наук. В первой книге исследуются термины математики, астрономии и географии. Вторая книга посвящена одной физике — ведущей науке того времени. Научная терминология петровской поры еще ни разу не была объектом лингвистического анализа. Автор изучил сотни печатных и рукописных источников первой половины XVIII в., из них извлечен большой и разнообразный лексический материал, составивший основание исследования.

Ценность книг Л. Л. Кутиной двоякого рода. Во-первых, это труд по истории языка русской науки, в котором установлены источники и состав научной терминологии первой трети XVIII в., определены особенности этой терминологии, обусловленные уровнем развития языка и состоянием научных знаний той эпохи. Во-вторых, это разработка теории термина; обилие фактического материала и его многоплановый анализ позволили автору выявить общие закономерности, характеризующие становление научного термина и целой терминологической системы на базе национального языка. Теоретические итоги окончательно подведены и сформулированы именно во второй книге «Формирование терминологии физики в России».

Общий итог книги решительно изменяет традиционное представление о развитии русской научной терминологии нового времени. Формирование языка русской науки начинается не в ломоносовский период, а на несколько десятилетий раньше. Теперь ясно, что в петровскую эпоху шла не сразу заметная, но очень серьезная и целенаправленная работа над созданием новых терминологических систем, результаты которой оказались лишь позднее. Именно деятельность ученых и переводчиков начала века во многом подготовила «чудо» Ломоносова. Блестящий научный язык Ломоносова — не только порождение его гения, но и завершение трудной работы, начатой при Петре.

Л. Л. Кутина доказала, что основы русской физической терминологии определились уже в доломонсовский период. Множество терминов, часть создания которых или введение в научный оборот приписывалась до настоящего времени Ломоносову, имели уже значительную традицию употребления в предшествующие десятилетия (термины «влажность», «давление», «опыт», «движение», «наблюдение», «частица», «явление», «теплота», «жидкие тела», «зажигательное стекло», «барометр», «преломление света», «равновесие» (тел), «оптика», «сила тягости» и многие другие). Не умаляя роли Ломоносова, автор подчеркивает, что «вклад Ломоносова в язык физики и других естественных наук очень велик; но это не тот вклад, который ему сейчас приписывается» (стр. 243). Л. Л. Кутина проделала всю ту подготовительную работу, в результате которой можно объективно судить о роли Ломоносова в создании русской научной терминологии.

Ведущей темой книги Л. Л. Кутиной является тема становления термина; внимание исследователя сосредоточено на комплексе явлений, составляющих процесс формирования новых терминологических свойств у слова общего языка. Наблюдения и выводы, связанные с этой темой, весомы и убедительны, потому что они покоятся на фронтальном обследовании русской физической терминологии за несколько десятилетий, составляющих целый период в истории русской науки. Автора интересует не только внеш-